
ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Е.П. Белинская

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.2

ПРОБЛЕМА ИЗМЕНЧИВОСТИ/КОНСТАНТНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА О СЕБЕ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. В статье рассматривается динамика социально-психологических взглядов на проблему динамических аспектов Я-концепции и идентичности. Показывается, что утверждение идеи изменчивости «Я» шло через признание активности социального субъекта, объективной множественности оснований для самоидентификации, потенциальности проявлений Я-структур и их временных модусов. Подчеркивается роль актуального социального контекста — ситуации социальных изменений, — в развитии данных взглядов. Утверждается, что актуальной задачей бытия современного человека все более становится установление смыслов и значений меняющейся социальной действительности для себя лично, с минимальной опорой на социальные предопределенности и с актуализацией всего своего личностного ресурса. Это заставляет большинство социально-психологических подходов в исследовании «Я» обращать внимание на множественность и вероятностность структур самосознания личности, что отражает влияние на данную проблемную область общих гносеологических принципов эпохи постмодерна.

Ключевые слова: психология, социальная психология, личность, Я-концепция, идентичность, самосознание, возможные Я, множественность Я, социальный конструкционизм, социальные изменения.

Тезис, что представления человека о себе самом являются некоторой консолидирующей и интегрирующей инстанцией личности, что структура самосознания зрелого человека предполагает наличие неизменного внутреннего «ядра», позволяющего сохранять преемственность самопредставлений во времени и пространстве, присутствует во многих (если не в подавляющем большинстве) концепций личности. Одновременно при этом история психологии накопила значительное количество позиций и концепций, подчеркивающих принципиальную изменчивость и множественность той психологической реальности, которая обозначается понятием «Я». Исходно эти последние позиции подкреплялись обращением к онтогенетическим аспектам развития представлений человека о себе (изучению изменчивости Я-структур на разных возрастных этапах, в разных социальных ситуациях развития, с точки зрения возрастающей дифференцированности структурных компонентов самосознания и т.п.), что, в общем, сужало возможное поле проблемы: стабильность Я-представлений продолжала мыслиться как атрибут взрослого, в противоположность закономерно меняющемуся «Я» ребенка. Принципиально иную оформленность, особенно

значимую для социально-психологического анализа, проблема изменчивости/константности «Я» приобрела во второй половине двадцатого столетия, с момента появления работ Э. Эриксона¹, благодаря которому она оказалась слита с идеей активности «Я».

Напомним, что в своих взглядах Эриксон во многом следовал неопсихоаналитической традиции — не только и не столько в силу того, что исходно опирался на опыт клинического анализа непостоянства «Я» при неврозах, но, прежде всего, в силу свойственного данной ориентации понимания «Я» как адаптивной структуры, одной из функций которой является нейтрализация тревоги при разрешении конфликтов между двумя противоречивыми тенденциями. Однако, по мысли Эриксона, «Я» при этом обладает и определенной автономностью, — и тем самым развитие представлений о себе не есть лишь результат столкновения на «поле» самосознания бессознательных влечений, усвоенных нормативных предписаний и требований внешней реальности. Напротив, «Я» как динамическая структура обладает собственной энергией, определяя логику личностного развития; центральной составляющей «Я» выступает

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

при этом идентичность. Таким образом, понятие идентичности соотносилось для Эриксона прежде всего с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я», осуществляемого в ходе социального и личностного самоопределения.

Социально-психологические исследования данной проблемы, закономерно отошедшие от онтогенетического аспекта ее анализа, в дальнейшем были обращены к гораздо более широкому спектру вопросов: множественности Я-структур, потенциальности самоидентификационных характеристик, анализу стратегий их изменения в различных социальных ситуациях. В них можно выделить две основные позиции, не альтернативные, но ставившие разные акценты в вопросе динамики «Я»².

Первая из них акцентировала процесс активного и реального взаимодействия человека со своим социальным окружением. «Я» при этом преимущественно рассматривается как средство для удовлетворения требований социального мира. Так, в частности, когнитивистски понятое зрелое и сложное «Я» позволяет более адекватно взаимодействовать как с отдельным партнером, так и с социальным миром в целом, а будучи рассмотрено с бихевиористской позиции заставляет говорить о реципрокности Я-структур и социального поведения. Типичным примером когнитивистской точки зрения в данном вопросе может служить концепция М. Розенберга³, согласно которому степень когнитивной дифференцированности образа Я измеряется числом осознаваемых личностных качеств и степенью их взаимосвязанности. С бихевиористской же позиции типичным примером может служить теория самовосприятия Д. Бема⁴, полагавшему источником динамики «Я» наличие в жизненном опыте ситуаций, когда внутренние источники информации о себе слабы и/или неопределенны и когда, соответственно, человек делает вывод о собственных мотивах и аттитюдах, как бы уподобляясь внешнему наблюдателю.

Вторая позиция центрировалась в основном на изучении процессов включения в «Я» отраженных оценок и суждений других людей, в том числе в процессе не столько реального, сколько символического взаимодействия. «Я» при этом рассматривается преимущественно как средство интеграции внутренней картины социального мира, конструирования социальной реальности и самоконструирования. (Как

известно, исторически яркое начало этой позиции для социальной психологии положили теория «зеркального Я» Ч. Кули и символический интеракционизм Дж. Мида.) В центре внимания тем самым оказывается не столько «активное», сколько «рефлексивное» Я: по мере того как количество ролей и позиций, в которых человек может представить себя, возрастает, он все более объединяет идущие от них ожидания в оценки со стороны «обобщенного другого», становясь своего рода «обществом в миниатюре».

Будучи исходно не жестко альтернативными, эти две позиции сегодня все более утрачивают свою самостоятельность, во многом — в силу объективных трансформаций социальных условий формирования и развития «Я». А именно — жизнь в современных условиях социальных изменений ставит перед человеком основной задачей установление смыслов и значений меняющейся социальной действительности для себя лично, с минимальной опорой на социальные предопределенности и с актуализацией всего своего личностного ресурса. В свою очередь, это заставляет большинство социально-психологических подходов в исследовании «Я» обращать все большее внимание на множественность и потенциальность проявления всех Я-структур личности, что, безусловно, отражает влияние на данную проблемную область общих гносеологических принципов эпохи постмодерна.

С этих позиций меняется само понимание «Я» — в частности, его множественность становится уже не только и не столько отражением смены человеком различных социальных ролей и существования, нередко одновременного, в различных социальных ситуациях, но, прежде всего, требованием децентрации самости, вплоть до полного исчезновения self. И это закономерно — в условиях относительно стабильной социальной действительности система социальных ролей позволяет социальному субъекту при условиях каких-либо изменений сохранять субъективный контроль над их множеством, обеспечивая единство представлений о себе. В современном мире с его повышенной социальной динамикой усложнение системы социальных отношений закономерно приводит к трудностям обретения какой-либо завершенной, относительно стабильной, социальной идентичности. Соответственно, на место целостного субъекта в постмодернизме приходит «коллективное Я», а современный человек, мыслимый как постоянно меняющий маски, создающий множественные «фасады» «Я», имеет множество различных, фрагментированных и плохо согласующихся друг с другом представлений о себе. Очевидно, что возможность применения понятия идентичности как некоторой константы «Я» к такому человеку, как минимум, спорна.

² Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2009.

³ Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. М., 2004.

⁴ Там же.

Неслучайно поэтому влияние актуальных социальных изменений на идентичность нередко оценивается как имеющее для последней фатальное значение, — превращающее ее, по меткому выражению одного из исследователей, в «термин избыточности номер один»⁵. В самом деле, фактическое отсутствие в современном обществе абсолютных, претендующих на универсальность целостностей, относительно которых человек мог бы обрести внутреннюю устойчивость, определенность, и, как следствие, большая личная свобода человека от ролевых «привязанностей» оборачиваются отсутствием самотождественности. В зависимости от уровня личного оптимизма исследователи склоняются к различным вариантам видения дальнейших следствий. А именно — от признания тотальности антропологического кризиса современности в силу принципиальной потери человеком своего подлинного «Я»⁶ до постулирования существования «лоскутной», «множественной» и т.п. идентичности⁷, существующей лишь в коммуникации, встроенной в сложную и мобильную ткань отношений и обретаемой лишь через поведенческие самопрезентации. По сути, в оценке строящего свой «открытый проект идентичности» человека эпохи постмодерна сегодня для исследователей варьирует лишь элемент личной креативности: то ли он строит этот проект, так сказать, вынужденно, «по образу и подобию» противоречивой и сегментированной повседневности, то ли данные особенности повседневности заставляют его искать и/или создавать новые смыслы и новые социальные сети, становящиеся основой его самотождественности.

В этом смысле крайне интересны позиции тех исследователей, которые являются признанными авторитетами конструкционистской парадигмы именно в социальной психологии. Так, суммируя их, можно сказать, что термины, посредством которых люди интерпретируют окружающую их действительность и себя в ней, не задаются особенностями самого объекта объяснения, а представляют собой социальные артефакты, т.е. продукты исторического и культурного взаимообмена между членами социальных сообществ. Соответственно, социально-психологический анализ любой реальности должен содержать в себе контекстуальную воплощенность, реляционность и диалог. С этой точки зрения традиционное «Я» должно быть рассмотрено как одновременно процесс и результат

самоповествования (Я-нарратива) в рамках социальных взаимоотношений⁸.

В частности Гергеном, Я-нарратив определяется как индивидуальное объяснение отношений в контексте субъективно значимых для человека событий, имеющее временной модус. Очевидно, что такое «Я» не может быть константно по определению, приобретая форму постоянно воспроизводящихся в коммуникациях и видоизменяющихся «историй» о себе и своих взаимоотношениях с Другими. Соответственно, оно принципиально открыто изменениям — вслед за изменениями интеракций. Более того, лишь благодаря этой возможности самоизменения через динамику самоописаний человек и может «совладать» с постоянно изменяющейся действительностью: «индивиду, погруженному в самую пучину разных социальных отношений, требуется не глубинное, вечное, подлинное «Я», а потенциал для коммуникации и самопрезентации», — утверждает К. Герген⁹. И в этом смысле идентичность есть характеристика не сферы самосознания, а сферы взаимоотношений, которые, пусть даже задавая ее фрагментированность, обуславливают в конечном итоге умение человека избежать ролевой ограниченности, создавая реальную основу для постоянно актуализирующейся задачи социальной адаптации. Заметим, что во многом именно через внедрение новой конструкционистской парадигмы в анализ самосознания Герген видел потенциальные перспективы социальной психологии в целом: обращенная к человеку, социальная психология XXI в. будет содействовать обогащению, а не исчезновению его «Я».

Этот новый, свободный от прежних концептуальных рамок, взгляд на проблему устойчивости/константности «Я» закономерно способствовал изменению научного аппарата исследователей. Так, на смену традиционной Я-концепции приходит Я-чувство Д.П. Макадамса, когнитивные реакции на мнение референтных Других заменяются на валуации («приписывание ценности») Г. Херманса, а понятие социальной роли уступает место позиционированию Б. Дэйвиса и Р. Харре¹⁰. Идентичность же начинает мыслиться как постоянно конструируемый человеком нарратив о себе самом, — как не воплощенная в реальных действиях и/или выборах, но выстроенная в коммуникациях

⁵ Shotter J. Social accountability and selfhood. Oxford, 1989.

⁶ Baumeister R.F. The need to belong: interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. V. 117. P. 75-90.

⁷ Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. N.Y., 1998.

⁸ Белинская Е.П. Конструкционистская парадигма и проблема «Я» в социальной психологии // Современность / Post. Альманах социокультурных исследований. М., 2009. С. 48-62.

⁹ По: Барр В. Социальный конструкционизм и психология // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 29-45

¹⁰ Цит. по: Барский Ф.И., Кутузова Д.А. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. 2004. № 2. С. 67-77.

согласованная жизненная история, вобравшая в себя и как-то примирившая существующие в этом «локутном» мире обрывочные и несогласованные социальные нарративы. И очевидно, что в так понимаемом «Я» значимо больший акцент приобретает уже не столько множественность, сколько «возможность», вероятность появления и проявления: в научный обиход активно входит понятие «возможного Я», впервые представленное в концепции Х. Маркус.

Исходно обращение к нему отражало по сути параллельную с нарративным подходом попытку решения проблемы изменчивости/константности «Я». Противоречие между феноменологией непрерывной уникальности self и заданной социально изменчивостью и относительностью «Я» было предложено снять введением понятия «рабочей Я-концепции». Последняя определялась как представление человека о себе в данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия, т.е. как часть общего репертуара Я, существующего на микро и макросоциальном уровне¹¹. Но при этом очевидно, что одни рабочие Я-концепции могут актуализироваться чаще, другие — реже, и тем самым вопрос о стабильности/изменчивости начинает звучать как вопрос *вероятности* появления того или иного частного представления о себе в ситуации конкретного социального взаимодействия. Именно эта идея «вероятностности», определенной относительности самопроявлений обусловила чуть более позднее появление категории «возможного Я», которое, согласно Х. Маркус и П. Нуриус¹², является временной экстраполяцией текущей рабочей Я-концепции. Очевидно, что «возможных Я» столь же неограниченное количество, сколь и рабочих Я-концепций; очевидно также, что они могут быть как негативными, так и позитивными. В общем виде для данных авторов «возможные Я» — это наши воображаемые представления о том, чем мы можем стать в будущем (как «хорошие», так и «плохие»). Исследователи отмечают мотивирующую функцию как позитивных, так и негативных «возможных Я»: образ себя успешного в будущем или представление о себе как о потенциальном неудачнике «творит» реальный успех или неудачу, что, впрочем, давно известно в социальной психологии как феномен «самоосуществляющегося пророчества».

Собственно, именно введение в активный социально-психологический обиход понятия «возможного Я»

способствовало усилению исследовательского внимания и к другим аспектам изменчивости/константности Я-концепции и идентичности, а именно — тем, которые отражают идею временных «модусов» представлений человека о самом себе. Проблема временных аспектов «Я» задает, как представляется, ракурс анализа, при котором центральным становится осознание человеком своей внутренней изменчивости и тем самым акцент ставится на осознании взаимосвязи разных «ипостасей» Я, определяя итоговое представление о «себе-во-времени».

Исходно возможность связанности различных временных модусов «Я» впервые была отмечена еще в концепции К. Левина¹³. Согласно известной теории поля, «Я» включает в себя не только актуальную саморефлексию, но и представления человека о себе в прошлом и будущем, причем, несмотря на хронологическую последовательность, эти разные части поля субъективно переживаются как одновременные и в равной степени определяют поведение человека. Однако подобное переживание самоидентичности, отражающее полюс субъективного «постоянства» личности, сопровождается и переживанием собственной изменчивости, метаморфоз «Я». Иногда эти моменты Я-изменчивости становятся самостоятельным предметом исследования и провоцируют на введение новых концептов. Так, например, для отражения субъективного переживания изменчивости «Я» В.В. Нуркова вводит специальное понятие — интервал самоидентичности личности. С ее точки зрения, он суть тот «отрезок жизненного пути, границы которого личность осознает как точки качественного преобразования (кардинального изменения) самой себя. Окончание одного интервала характеризуется сдвигом самоидентичности с амплитудой переживания масштаба изменений от «Я — не тот, что прежде» до «теперь я — другой человек»¹⁴. Внутренняя взаимосвязь изменчивости/константности Я-представлений обеспечивается, по мысли автора, наличием сквозных «жизненных тем» (субъективно выделяемых сфер активности личности) и смены интервала самоидентичности в определенных пределах — эмпирически установленном пороге, за которым лежит угроза потери «Я».

Заметим, что для данной концепции временная изменчивость «Я» оказалась связана с понятиями жизненного плана, жизненной перспективы, субъективной картины жизненного пути, причем, как и в

¹¹ Markus H.R., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1989. V. 41. P. 954-969.

¹² Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological Review. 1991. V. 98(2). P. 224-252.

¹³ Левин К. Разрешение социальных конфликтов. М., 2000.

¹⁴ Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77-87.

ряде других концепций, центральным при этом — явно или неявно — является представление о жизненном плане как рациональной структуре. Отмечается, что он есть результат осознанной потребности, строится на основе рефлексии реальных жизненных событий, фиксирует их причинно-следственные связи, учитывает динамику реализации жизненных целей, является целостным и непротиворечивым и т.д. Отсутствие же вышеперечисленных характеристик свидетельствует о его несформированности, непроработанности, а то и о субъективной невозможности реализации. Возникает ощущение, что, например, такой временной аспект Я-концепции, как образ «Я-в-будущем», есть результат рефлексивной переработки человеком огромного массива информации — о реальных результатах собственной деятельности, о существующих на данный момент в социуме объективных возможностях самореализации, об имеющихся в ближайшем социальном окружении моделях «самоосуществления». Между тем очевидно, что представления человека о себе, в том числе — о «себе-во-времени» совсем не обязательно являются результатом рационального конструирования на основе информационной достаточности.

Идеи временной «развертки» «Я», самоконструирования и, следовательно, наличие доминанты потенциальности в современных социально-психологических концепциях личности распространяются и на исследования тех идентификационных структур, которые традиционно считались четко заданными, а именно социальной идентичности. В определенной степени это связано с уже отмечавшейся идеей о том, что социальные самоопределения личности феноменологически проявляются через наблюдаемые паттерны «решения проблем» и связаны с социальными выборами. В итоге сегодня в структуру социального «Я» включаются как прошлые, реализованные социальные самохарактеристики, так и прогнозируемые, будущие социальные выборы человека, отражающие факт его потенциально многообразного социального членства и наличия множественных возможных групп субъективной принадлежности. Примером подобного подхода является, например, концепция «возможной социальной идентичности» М. Синнирелла¹⁵.

Согласно данному автору, процесс построения человеком репертуара своих «возможных Я» неотделим от оценки степени той вероятности, с которой эти «возможности» будут реализовываться. При этом, как правило, человек исходит из оценки возможностей

своей коммуникации, существующих у него образов своего ближайшего окружения, которое может «работать» как pro, так и contra различных «возможных Я». Таким образом, подчеркивает М. Синнирелла, всегда существует своего рода «социальная подкладка» наших «возможных Я», и, следовательно, становится необходимым прояснить взаимосвязь между групповыми процессами и созданием «возможного Я»-репертуара. В целом данная взаимосвязь рассматривается Синнирелла в следующей логике.

Возможное социальное «Я» («возможная социальная идентичность») определяется в данной концепции как совокупность индивидуальных и групповых представлений о возможных прошлых и будущих группах членства и существующих у индивида образов возможного прошлого и будущего «своей» (или «своих») групп. Желание реализовать персональный полюс «возможного Я» актуализирует у человека представления о возможных стратегиях достижения определенной социальной идентичности, и, наоборот, представления о необходимости реализации социального полюса «возможного Я» могут изменить содержание персональных самохарактеристик. В итоге, взятые в своей мотивирующей функции, они задают две основные линии динамики представлений человека о самом себе: персональное «возможное Я» влияет на большинство элементов достигнутой социальной идентичности, а социальное «возможное Я» — на содержание Я-реального.

Внутренняя взаимосвязь социального и персонального полюса возможных идентификационных структур выражается также и в том, что для осмысления их содержания человек использует сходные стратегии. Их направленность М. Синнирелла выводит, во-первых, из общих закономерностей атрибутивных процессов: как и потенциальная «осуществляемость» негативных «возможных Я», возникновение нежелательных возможных социальных идентичностей будет приписываться внешним обстоятельствам. Во-вторых, — из общей для когнитивных теорий идеи согласованности различных когний: социальные группы создают разделяемые их членами «истории жизни группы», объединяющие прошлое, настоящее и будущее группы в согласованное представление, так же как «возможное Я» отдельного человека, состоящее из «личных историй», имеет некоторый внутренний смысловой «стержень».

Естественно, что, как любая развернутая теоретическая концепция, концепция М. Синнирелла порождает новые вопросы. Всегда ли, например, совпадает временная ориентация «возможного Я» и возможной социальной идентичности? Очевидно, что не всегда — достаточно представить себе ситуацию включения

¹⁵ Sinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. V. 28(2). P. 227-248.

субъекта (индивида или группы) коллективистической культуры в культуру индивидуалистическую. Как разрешается на индивидуальном и групповом уровне этот конфликт? Всегда ли распространяющая нежелательное содержание возможного социального «Я» аут-группа будет дискредитироваться? Наконец, как влияет реальность множественной идентичности современного человека на согласованность различных компонентов «возможных Я»? Иными словами, каким образом интерференция различных групповых стандартов (норм, стереотипов, прототипов), в «поле» влияния которых оказывается человек в силу принадлежности к огромному числу больших и малых социальных групп, обуславливает выбор им той или иной временной ориентации?

Подводя итог вышесказанному, можно видеть, что своего рода общей линией в развитии социально-психологических подходов к анализу «Я» был все больший переход от представлений о его структурно-функциональной определенности к идеям динамической изменчивости и неопределенности. В итоге, например, «Я-во-времени» оказалось связано, с одной стороны, с рефлексией своей нереализованности/потенциальной осуществимости («возможное Я»), а с другой — с множественной идентичностью.

В завершение остановимся еще на одном аспекте проблемы изменчивости/константности представлений человека о себе, лишь в последнее время ставшем предметом социально-психологического анализа и в определенном смысле суммирующем рассмотренные выше линии, а именно на идее конструирования человеком собственных идентификационных структур в условиях, когда «внешние» основания самокатегоризации затруднены — в силу их множественности, изменчивости или рассогласования, или иными словами — неопределенности.

В этой связи сегодня все чаще отмечается ведущая роль процесса самоверификации как механизма, противостоящего потенциальной «множественности Я» и опосредующего саму возможность возникновения новых представлений человека о себе¹⁶. В основе этих взглядов лежит представление о том, что социальное взаимодействие всегда строится по линии редукции неопределенности. Соответственно, по этой логике человек скорее будет выбирать тех партнеров, которые воспринимают и оценивают его так же, как и он сам: ведь только в этом случае его взаимодействие с партнерами будет строиться по уже известным из про-

шлого опыта закономерностям. Интересно, что согласно эмпирическим данным эта тенденция к самоусилению характерна не только для позитивных, но и негативных самохарактеристик: иными словами, мы выбираем не только партнеров, которые видят в нас «хорошее», но и тех, кто подтверждает наши «плохие» представления о себе.

При этом эмпирически показано, что и в случае самоверификации положительных Я-представлений, и в случае самоусиления негативных аспектов «Я» большинство людей стремится к подтверждению только тех самохарактеристик, в которых максимально уверены¹⁷. Иными словами, мотив самоусиления во взаимодействии определенно превалирует над мотивом самопознания (с субъективной точки зрения, наибольшая опасность со стороны социального окружения «грозит» тем аспектам «Я», про которые субъект «все точно знает», которые образуют наиболее «привычную и известную» часть его Я-концепции), «блокируя» в определенной степени непомерное разрастание «идентичности без границ». Соответственно, именно в зависимости от характера субъективной оценки степени этой угрозы и особенностей аффективных компонентов «Я» человек и будет конструировать свои конкретные самопрезентации в том или ином случае социального взаимодействия.

Оригинальный подход к пониманию механизмов конструирования идентичности в ситуации социальных изменений представлен и в концепции одного из идеологов социального конструкционизма Р. Харре¹⁸. С его точки зрения, глубинным проявлением субъектности в этой ситуации являются два вида «самоинтервенции»: во-первых, внимание и контроль над воздействиями (в том числе собственными мотивами и чувствами), и, во-вторых, изменение своего образа жизни. При этом в качестве возможных предпосылок субъектности и активности человека в конструировании своего «Я» выделяются два условия. А именно, — способность репрезентировать более широкий спектр «возможных будущих», чем те, которые могут быть реализованы, и способность осуществить любое выбранное их подмножество, а также прервать любое начатое действие. Таким образом, акцент в анализе идентификационных структур опять-таки делается не столько на их «множественности», сколько на «возможности», вероятности появления.

¹⁷ Banaji M.R., Prentice D.A. The Self in Social Context // Annual Review of Psychology. 1994. Vol. 45. P. 297-332.

¹⁸ Harre R. Language games and the texts of identity // J. Shotter, K. Gergen (eds.) Texts of Identity. London, 1989; Harre R., Davies B. Positioning: The discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behavior. 1990. V. 20. P. 43-63.

¹⁶ Swann W.B., Stein-Seroussi A., Giesler B. Why do people self-verify? // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 62. P. 392-401.

Подчеркнем еще раз, что объективным основанием для подобных исследовательских позиций является современная феноменология множественных взаимовлияний, своеобразной интерференции различных ролевых позиций, групп принадлежности, оснований самокатегоризации и т.д. и т.п. Сегодня именно эта проблема является, пожалуй, наиболее интересной и наименее разработанной в социальной психологии «Я». А между тем, именно в ней, как в капле воды, аккумулирована вся сложность социально-психологического исследования изменчивости/константности «Я». Существующие на настоящее время эмпирические исследования данного вопроса разворачиваются преимущественно в рамках теории социальной идентичности и группируются вокруг следующего круга проблем¹⁹.

Во-первых, это вопрос о том, насколько содержание одной социальной идентификации может влиять на актуализацию и содержательные характеристики каких-либо других социальных идентификаций человека. В целом, по результатам немногочисленных работ, отмечается прежде всего сам факт наличия такого влияния, а также «тормозящее» влияние высокостатусных социальных идентичностей на все другие возможные социальные «Я» человека.

Во-вторых, существуют попытки анализа субъективной иерархии значимости различных социальных идентичностей, и, соответственно, решения вопроса об их интерференции с этой точки зрения. Так, например, на материале исследования этнических групп отмечается, что, в самом деле, людям свойственно в различной степени значимости идентифицироваться с различными группами, причем это зависит, например, от конкретного соотношения этнической и конфесси-

ональной идентичности человека. При этом возможен вариант, когда одна социальная идентичность является более широким уровнем другой.

В-третьих, и это представляется нам наиболее интересным, существуют эмпирические данные, показывающие зависимость соотносительной важности тех или иных социальных идентичностей и их «взаимосочетаемости» от конкретной ситуации актуализации, а также от особенностей интерпретаций человеком происходящего: рефлексией своего прошлого и характером ожиданий относительно будущего.

Итак, если подытожить все вышесказанное, то представляется, что сегодня социально-психологический ракурс анализа проблемы изменчивости/константности представлений человека о себе основывается на следующих идеях:

- активности социального субъекта в установлении границ между «Я» и «не-Я», в конструировании своей персональной и социальной идентичностей;
- принципиальной множественности и потенциальности Я-представлений, обусловленных, с одной стороны, наличием множественных «внешних» оснований для самокатегоризации, а с другой — их изменчивостью;
- роли субъективной временной «развертки» Я-представлений в не только процессе поддержания их устойчивой части, но и в конструировании изменчивой.

Характерно, что свое максимальное выражение все эти идеи находят при условии отчетливой апелляции исследователей к актуальному социальному контексту — социальным изменениям.

Список литературы:

1. Барский Ф.И., Кутузова Д.А. Представления об идентичности в рамках нарративного подхода // Мир психологии. 2004. № 2. С. 67-77.
2. Барр В. Социальный конструкционизм и психология // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 29-45.
3. Белинская Е.П. Конструкционистская парадигма и проблема «Я» в социальной психологии // Современность / Post. Альманах социокультурных исследований. М., 2009. С. 48-62.
4. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2009.
5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов. М., 2000.
6. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. № 2. С. 77-87.
7. Харре Р., Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
8. Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. М., 2004.
9. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

¹⁹ Подробнее см. об этом: Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности. М., 2009.

10. Banaji M.R., Prentice D.A. The Self in Social Context // Annual Review of Psychology. 1994. Vol. 45. P. 297-332.
11. Baumeister R.F. The need to belong: interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. V. 117. P. 75-90.
12. Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. N.Y., 1998.
13. Gergen K.J. The saturated self (2 nd.ed.). N.Y., 2000.
14. Harre R. Language games and the texts of identity // J. Shotter, K. Gergen (eds.) Texts of Identity. London, 1989.
15. Harre R., Davies B. Positioning: The discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behavior. 1990. V. 20. P. 43-63.
16. Swann W.B., Stein-Seroussi A., Giesler B. Why do people self-verify? // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 62. P. 392-401.
17. Markus H.R., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1989. V. 41. P. 954-969.
18. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological Review. 1991. V. 98(2). P. 224-252.
19. Sinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. V. 28(2). P. 227-248.
20. Shotter J. Social accountability and selfhood. Oxford, 1989.

References (transliteration):

1. Barskiy F.I., Kutuzova D.A. Predstavleniya ob identichnosti v ramkakh narrativnogo podkhoda // Mir psikhologii. 2004. № 2. S. 67-77.
2. Barr V. Sotsial'nyy konstruksionizm i psikhologiya // Postneklassicheskaya psikhologiya. 2004. № 1. S. 29-45.
3. Belinskaya E.P. Konstruksionistskaya paradigma i problema «Ya» v sotsial'noy psikhologii // Sovremennost' / Post. Al'manakh sotsiokul'turnykh issledovniy. M., 2009. S. 48-62.
4. Belinskaya E.P., Tikhomandritskaya O.A. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. M., 2009.
5. Levin K. Razreshenie sotsial'nykh konfliktov. M., 2000.
6. Nurkova V.V. Rol' avtobiograficheskoy pamyati v strukture identichnosti lichnosti // Mir psikhologii. 2004. № 2. S. 77-87.
7. Kharre R., Brokmeyer Y. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 29-42.
8. Kh'yuston M., Shtrebe V. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu. M., 2004.
9. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
10. Banaji M.R., Prentice D.A. The Self in Social Context // Annual Review of Psychology. 1994. Vol. 45. P. 297-332.
11. Baumeister R.F. The need to belong: interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. 1995. V. 117. P. 75-90.
12. Castells M. The Information Age; Economy, Society and Culture. N.Y., 1998.
13. Gergen K.J. The saturated self (2 nd.ed.). N.Y., 2000.
14. Harre R. Language games and the texts of identity // J. Shotter, K. Gergen (eds.) Texts of Identity. London, 1989.
15. Harre R., Davies B. Positioning: The discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behavior. 1990. V. 20. P. 43-63.
16. Swann W.B., Stein-Seroussi A., Giesler B. Why do people self-verify? // Journal of Personality and Social Psychology. 1992. V. 62. P. 392-401.
17. Markus H.R., Nurius P. Possible Selves // American Psychologist. 1989. V. 41. P. 954-969.
18. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the Self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological Review. 1991. V. 98(2). P. 224-252.
19. Sinnirella M. Exploring temporal aspects of social identity: the concept of possible social identities // European Journal of Social Psychology. 1998. V. 28(2). P. 227-248.
20. Shotter J. Social accountability and selfhood. Oxford, 1989.